

напр. Цуканы дер. Анненковой или Горностаевки потеряли свое «прицвякиванье», хотя въ мѣстныхъ преданіяхъ сосѣдей Цукановъ о говорѣ ихъ и нѣтъ указаній на это. Существуютъ преданія о томъ, что цукахи носили панёвы, что Цуканы при счетѣ говорили будто бы *двадцать десять* вмѣсто 30, *тридцать десять* вмѣсто 40, говорили: *пабѣхъ, прибѣхъ*, объ ихъ грубости, доходившей до того, напр., что одна цукаха, во время пасхальнаго обхода духовенствомъ крестьянскихъ домовъ съ иконами и угощенья духовенства, за обѣдомъ ударила ложкой попа или дьякона за то, что тотъ не съ того кушанья началъ обѣдъ, сказавъ при этомъ: *пуопрі прѣжа твоорох-то^а, а поотом поопинайся^{аа}*.

Изъ послѣдней фразы, слышанной мной отъ очень старой женщины, исконной старожилки Расховецкаго прихода, подражавшей говору анненковскихъ Цукановъ, можно вывести заключеніе, что Цуканы прежде очень слабо акали.

2. Умѣренно-акающіе говоры или *икающіе*, сохраняющіе *е* въ род. пад. прилаг. и мѣстоименій: *иго, чиго, сѣнига*.

а) Въ Суджанскомъ, Обоянскомъ, Бѣлгородскомъ и Корочанскомъ уѣздахъ Курской губ. живутъ егуны съ умѣреннымъ аканьемъ, выражающимся въ томъ, что неударяемое *е* (изъ *е* и изъ *ь*) слога, предшествующаго ударяемому и слѣдующаго за нимъ, измѣняется большею частію въ *и*, если ему не предшествуютъ *ж, ш, ц*; въ послѣднемъ случаѣ, — въ *а*: *зилѣнай, ни выизду, виснѣнская песня, Сиріёюшка, нивестушка приводная*¹⁾, *пирививчитай, чирѣмушка лазоривай тоитѣк, билеитца, Питрѣюшка, асидлавыи, у техъ лисахъ, за вчирашнію за грубастъ, да горинки да свякліцы свитлавоі да рѣблинай клинавоі, свитѣл мѣсяцъ са звиздѣми, на чиркецкимъ на сидлѣ* (^я обозначаетъ недостаточно ясный какъ *и*, такъ и *я*), *ни стикайси, ни чиркецкага сидла,*

1) Ср., водимыя въ лѣтоп.